

© 2011 г.

Иван Буздалов

доктор экономических наук, профессор

академик РАСХН

главный научный сотрудник Института экономики РАН

(e-mail: tamara.buzdalova@yandex.ru)

ТРЕВОЖНЫЙ СИМПТОМ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье обращается внимание на возрастание угрозы национальной безопасности России, связанной с деградацией ресурсного, прежде всего трудового потенциала сельского хозяйства, подрывающей продовольственную независимость страны и вызывающей беспрецедентные за всю её историю закупки продуктов питания за рубежом. Предлагаются меры по её преодолению на основе переориентации агропромышленной политики в направлении действительного обеспечения провозглашенного властями приоритета сельского развития с особым акцентом на радикальное повышение уровня жизни сельского населения.

Ключевые слова: национальная безопасность, продовольственная безопасность, деградация социальной сферы села, импорт продовольствия, приоритет сельского развития, аграрная политика, аграрный бюджет, аграрное законодательство.

В сознании людей понятие национальной безопасности страны обычно ассоциируется прежде всего или главным образом с ее военной мощью. С этой точки зрения можно сказать, что Россия, располагающая огромным ядерным потенциалом и немалыми обычными вооруженными силами сейчас находится «вне опасности». Однако оборонный, военно-промышленный сегмент при всей его важности, является лишь составляющим звеном единой системы национальной безопасности и в конкретных исторических условиях может оказаться далеко не главным. Поэтому ни на минуту не забывая о возможной в современном беспокойном мире военной угрозе, государству необходимо постоянно укреплять другие сегменты и звенья этой системы, из которых особой и первостепенной значимостью выделяется продовольственная безопасность. Как подчеркивал Д. Менделеев, общенациональные меры по защите земли и земледельца «равносильны» защите государства.

Статья подготовлена по результатам разработки проекта РГНФ « 11-02 00202 а.

Но из понимания особой значимости принципа приоритетности сельского развития вытекает потребность преодолеть декларативный характер многих соответствующих проектов и программ¹. А ведь при наличии уникальной естественной базы развития собственного сельского хозяйства **можно производить продовольствия в объеме в 1,5-2 раза превышающем внутренние потребности**. Однако пока страна увеличивает импорт, не имея достаточного количества даже таких традиционных продуктов, как картофель, морковь, фрукты, не говоря уже о продукции животноводства, экспортером которой, равно как и зерна, льноволокна и т.д. Россия была уже более 100 лет назад.

Нет необходимости говорить о крайней ненадежности продовольственного импорта и в части поставок, и в отношении качества продукции, а тем более о том, какой трагедией для народа может обернуться сужение, а тем более перекрытие по тем или иным причинам импортных каналов снабжения продуктами питания, с чем страна может столкнуться в условиях глобальных процессов обострения мировой продовольственной проблемы.

Конечно, происшедшее с началом нынешних реформ беспрецедентное падение отечественного сельскохозяйственного производства, сопоставимое с результатами насильственной коллективизации, можно восполнить такими же беспрецедентными за всю российскую историю закупками за рубежом. Но рост продовольственного импорта, объемы которого в 2010 г. в сравнении с 2000 г. возросли почти в 5 раз, превысив объем реализации всей продукции сельского хозяйства в закупочных ценах, является одним из существенных изъянов проводимой агропродовольственной политики.

Но если, не считаясь с риском возрастания угрозы продовольственной безопасности в рамках такой политики, компенсацию провала в отечественном производстве продукции сельского хозяйства можно перекладывать на зарубежных фермеров, предоставляя для них обширный рынок сбыта этой продукции, (и снабжая их минеральными удобрениями в объеме 80% общего производства в стране), то исправлять удручающее положение в социальной сфере села придется самим, иначе все сельское хозяйство в лучшем случае будет обречено на жалкое существование. На сегодняшний день реальная ситуация такова, что именно вследствие деградации этой сферы на огромной сельскохозяйственной территории Северо-Запада,

¹ В статье «Приоритетное развитие села – важнейшая задача российского государства» (Общество и экономика, 2008 г., № 10-11, с. 113-128) мною дана достаточно подробная оценка деклараций и полумер, особенно в области ресурсного обеспечения, касающихся развития сельского хозяйства, его приоритетности.

Северо-Востока, Урала, Поволжья, Сибири, даже Центра России, где о существовании прежних благополучных сел и деревень напоминают заросшие бурьяном и чертополохом их жалкие останки, уже вообще почти некому работать. За годы реформ из оборота выпало 1/3 (около 40 млн га) посевных площадей и вновь осваивать их в соответствии с установкой Доктрины продовольственной безопасности РФ (2010 г.) некому.

Уровень жизни сельского населения, который и до рыночных реформ оставался крайне низким и существенно отставал от городского уровня, за годы реформ значительно упал. Возросло отставание от города и по общим социальным условиям жизни в сельской местности, хотя за годы реформ власти многократно декларировали намерение осуществить решительные и масштабные сдвиги в этом направлении. На деле таких сдвигов не произошло. Наоборот, если среднедушевые располагаемые доходы сельских домохозяйств в 1990 г. достигали почти 8/10 от городского уровня, то в 2000 г. они снизились до 69% и в 2008 г. до 56% (5,8 тыс. рублей в месяц). Среднемесячная оплата труда за этот период с 95% к среднему по экономике уровню снизилась до 47%, оставаясь самой низкой в стране. При повышении с января 2009 г. МРОТ до 4330 рублей удельный вес работников сельского хозяйства с заработной платой ниже этого уровня составил 1/3 при значительных суммах задолженности по оплате труда. В селе самый низкий размер пенсий.

По показателям денежных доходов за порогом бедности находится более половины сельского населения. **Практически сейчас бедность «концентрируется» в сельской местности, на которую приходится 40,4% всего малоимущего (по располагаемым ресурсам) населения России при том, что на долю села приходится 27% его общей численности в стране.** В наиболее бедственном положении находится детское население деревни.

В целом ситуация в социальной сфере села остается не только крайне неблагоприятной, но вообще вызывает серьезную тревогу за будущее отрасли. Гигантские агрохолдинги, деятельность которых далеко небезупречна, особенно в отношении эффективности, капиталоемкости, фондоотдачи, прав собственности работников, особенно земельной, оптимальности размеров, не спасают положения, и как советские «маяки» они часто служат больше для престижа местных властей, показа высокому начальству для иллюстрации якобы общего благополучия в сельском хозяйстве. К тому же курс на распространение сверхкрупных предприятий (фактически новых латифундий) является крайне высокочрезмерным, что наряду с организационно-экономическими изъянами функционирования, громоздкостью управления и т.д. делает бесперспективным их массовое распространение.

В основной же массе СХО отсутствует сколько-нибудь удовлетворительная система оказания медицинских, культурных и торгово-сбытовых услуг, нет современных образовательных учреждений. С жильем положение несколько лучше, хотя село все более отстает от города по вводу жилой площади на 1000 чел. населения. По данным мониторинга развития социально-трудовой сферы села (М.ФГНУ «Росинформагротех», 2010г.) социологических обследований, 58% сельских жителей, в том числе 70% молодежи до 30 лет, нуждается в серьезном улучшении жилищных условий.

При этом надо иметь в виду, что имеющийся сельский жилой фонд характеризуется весьма низким качественным состоянием внутреннего благоустройства. В основной части этого фонда нет элементарных коммунальных удобств. По тем же данным, водопроводом оборудовано 42% сельского жилищного фонда, центральным отоплением – 44%, канализацией – 32%, горячим водоснабжением – 20% площади сельских жилых помещений.

Сеть участковых больниц по сравнению с 1990 г. сократилась на 1994 единицы (41%), фельдшерско-акушерских пунктов – на 3408 единиц (7%). На 10 тыс. человек в сельской местности приходится 55 больничных коек (в городской – 133 койки), обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями в расчете на 10 тыс. жителей на селе в 2,3 раза ниже, чем в городе. Общее состояние, оборудование сельской медицинской сети поистине плачевное.

Обеспеченность сельского населения врачами по сравнению с городским (на 1 тыс. чел) меньше в 4,7 раза, а средним медицинским персоналом – в 1,9 раза. Количество школ и других сельских общеобразовательных учреждений сократилось на 6,6 тысячи. Сеть физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений сократилась на две трети, их единовременная пропускная способность составляет 10-15% норматива.

Количество сельских клубов и домов культуры сократилось на 26%, библиотечный фонд села уменьшился на 71 млн экземпляров (17%). В расчете на 1 тыс. сельских поселений приходится 327 клубных учреждений против 410 в 1990 году. Число школ уменьшилось на 12 тыс. (25%), детских садов – на 21,5 тыс. (53%), клубов – на 19 тыс. (30%). Более половины детей на селе не охвачено дошкольным воспитанием. В целом детство, которому посвящена по сути основная часть последнего послания президента РФ и состояние которого в стране вызывает общенациональную тревогу, в сельской местности является особенно неустроенным, неуютным, обделенным.

Из-за недостаточных объемов строительства и проводимого в условиях неразвитости дорожной сети, мобильных и дистанционных форм обслуживания, курса на концентрацию сети объектов образования, здраво-

охранения, культуры снижается территориальная доступность сельскому населению образовательных, медицинских, культурных, торговых, бытовых услуг. Обеспеченность сельского населения на 10 тыс. жителей амбулаториями – 35% от городского уровня. Одна треть сельских населенных пунктов с численностью населения до 100 человек не охвачена ни стационарной, ни мобильной формой торгового обслуживания, бытовой сервис почти полностью разрушен. Обостряется проблема обеспечения жителей села питьевой водой, выбытие водопроводных сетей из-за плохого технического состояния опережает их ввод.

Основная масса сельского населения живет в условиях ограниченного информационного поля или вообще находится в информационной изоляции. В одной трети сельских поселений отсутствует телефонная связь. Телефон в доме имеют только 27% сельских семей. Нетелефонизированными остается почти половина организаций социальной сферы и торгового обслуживания.

Из-за бездорожья и нехватки автобусного парка 64,3 тыс. сельских поселений лишены автобусного сообщения. Около 1/3 сельских поселений еще не имеют подъездов по дорогам с твердым покрытием. Несмотря на это, ввод местных, ведомственных и частных автомобильных дорог с твердым покрытием сократился за 2000–2007 гг. в 3 раза – с 5953,3 км в 2000 г. до 1960,7 км в 2007 г. и продолжает находиться на крайне низком уровне.

В период между двумя последними переписями населения российское село утратило 10,7 тыс. населенных пунктов. Растет число поселений, не имеющих постоянных жителей. Угрожающие размеры приняла алкоголизация сельского населения, являющаяся во многом следствием безработицы, бедности и состояния безысходности. За последние 9 лет потребление алкоголя, в т.ч. суррогатного на 1 члена сельского домохозяйства в сопоставимых ценах выросло вдвое и в целом значительно превышает городские показатели. При этом наибольший рост расходов на алкоголь отмечается в наименее обеспеченных семьях, что является причиной высокой смертности сельского населения. Село «устойчиво» опережает город по случаям суицида на 1000 человек населения, в том числе в фермерских хозяйствах из-за барьеров в сбыте их продукции, диспаритета цен, невозможности расплачиваться по кредитам, рэкета и т.д. – той же безысходности.

Предпринимаемые меры по добровольному переселению на село соотечественников, проживающих за рубежом, и стимулированию внутрироссийской миграции пока не оказывают серьезного влияния на оздоровление до предела деградированной демографической ситуации в сельском хозяйстве.

Продолжает ухудшаться половозрастная структура сельского населения. На начало 2009 г. на 1000 мужчин приходилось 1109 женщин против 1098 в 2000 г. Обращает на себя внимание набирающая силу тенденция снижения удельного веса населения моложе трудоспособного возраста. Если в 2000 г. удельный вес этой группы составлял 22,9%, то на начало 2009 г. – 18,1 %.

Интенсивность выбытия населения из сельской местности, в том числе молодежи, в последние годы несколько уменьшилась, однако, его масштабы остаются большими. В 2007 г. из села выбыло 747,9 тыс. чел., из них на долю молодежи приходилось 45,9%, в 2009 г. соответственно 721,4 тыс. чел. и 47,6 %. Продолжается процесс обезлюдения сельских территорий России. Число сел, не имеющих постоянных жителей, увеличилось на 40% и продолжает расти, достигая в ряде регионов 40-50%.

Все это, как и многое другое свидетельствует о системной деградации сельской социальной сферы, а вместе с тем и ее трудового потенциала, главной производительной силы деревни, что прежде всего определяет общую отсталость, низкую эффективность и конкурентоспособность сельского хозяйства, его *фактическую неспособность обеспечить продовольственную безопасность страны за счет отечественного производства.*

Во многом это следствие перекосов, неразберихи и коррупционных сделок в сложившейся системе земельных отношений. Именно здесь, в центральном пункте «аграрного вопроса» наиболее болезненно оказались задетыми интересы и социальный статус крестьянства. Его основная масса так и не стала собственником земли, как это было определено стратегией рыночных преобразований в деревне. Более того, миллионы селян, оказавшихся теми же бесправными в области земельных отношений, стали наёмными работниками у владельцев агрохолдингов, крупных агрофирм, да во многом и у руководителей СПК (по концептуально несостоятельному закону о сельхозкооперации (1995г.) – почти тех же колхозов). Часто путем туманных обещаний и прямого обмана они лишаются даже бумажных земельных долей. А те из небольшой прослойки земельных собственников – владельцев К(Ф)Х, как и члены приусадебных *семейных* хозяйств – производителей почти половины сельскохозяйственной продукции не стали равноправными партнерами рынка, терпят притеснения, выступают в роли просителей, бедных родственников.

Тающие запасы жизненной энергии и инициативы у нынешних селян расходуются на занятие своим приусадебным семейным хозяйством, от которого они кормятся, причем значительно недопотребляя такие продукты, как молоко (на 30%), мясо (на 11%), яйца (на 34%), фрукты и ягоды (на 30%), овощи (на 35%) и т.д. Сами горожане обречены на потреб-

ление обильно приправленных нитратами и прочими раздражителями и аллергенами гигантских объемов голландских, израильских и прочих импортных овощей, картофеля, фруктов, а также замороженного и залежалого мяса, рыбы, сахара, молочной и другой продукции, завозимой со всех концов мира на сумму (по данным за 2010 г.) 36 млрд долларов. И это при том, что по своему потенциалу Россия имеет возможность прокормить не только себя, но и еще половину Европы.

Всякие полумеры, декларации и разговоры о приоритетном значении сельского развития – пока больше словесная риторика, уводящая от действительной системной модернизации страны. Сельское хозяйство России в своем развитии практически почти не сдвинулось с уровня полувековой давности, в Израиле валовая продукция этой отрасли за тот же период увеличилась почти в 20 раз! Одна из главных причин заключается в том, что в России не учитывается решающая роль *качества жизни* сельского населения. Израильские аграрии на полупустынных землях добились таких беспрецедентных результатов потому, что при активной поддержке государства в этой стране социальные и материальные условия жизнедеятельности в сельской местности по основным показателям мало отличаются от городских. Это создает высокие стимулы для того, чтобы оставаться и высокопроизводительно работать на полях и фермах, овладевать передовыми методами организации и технологии производства. У нас же, вместе с сельской молодежью выпускники сельскохозяйственных вузов на 80% разбегаются куда угодно, лишь бы не оказаться в нынешних социально-экономических условиях жизни в деревне.

Аграрная политика России была бы более обоснованной, если бы было меньше отчетов о том, что обязательства по социальному развитию села в целом успешно выполняются, а в ряде направлений даже перевыполняются. Но что же представляют из себя эти обязательства и какова роль государства в их финансовом обеспечении, если вспомнить, что в соответствии с законом «О социальном развитии села» (1990 г.) на сельское хозяйство, в т.ч. социальную сферу необходимо выделять 15% национального дохода, а законом «О государственном регулировании агропромышленного производства» (1997 г.) предусматривалось, что основным источником такого обеспечения должен быть федеральный бюджет.

Ответ на это вопрос свидетельствует лишь об одном: настоящий государственный подход к социальным обязательствам властей перед крестьянством, которому следуют развитые страны современного мира, подменяется «рассмотрением» или комментариями по поводу использования того, сколько средств выделено сельскому хозяйству в форме консолидированного аграрного бюджета, которые, кстати, выделяются фактически по тому же «остаточному» принципу, какой применялся в советских колхозах, без со-

поставления с тем, какой вклад делает крестьянство в создание национального дохода страны. Многие дефекты аграрной политики можно было бы устранить, если бы учитывалось, что этот вклад крестьянства на 9/10 перекачивается из отрасли в пользу того же государства и субъектов монопольного окружения отрасли: переработчиков, торговцев, посредников, перекупщиков, спекулянтов и т.д. Повторяю, научный анализ содержания и параметров социальных обязательств государства перед крестьянством, равно как и объективную оценку проводимой аграрной политики, надо начинать не с того, что ему *дают*, а с того, что он создает и сколько у него *забирают* дающие. Как показывают расчеты по структуре стоимости товарной продукции сельского хозяйства в розничных ценах за 2007–2009 гг., **ежегодно в пользу государства и подотчетных ему субъектов монопольного окружения сельского хозяйства через ножницы цен, другие фискальные изъятия из отрасли «перекачивается» 1,2-1,3 трлн руб. созданного в отрасли валового дохода, а возвращается 1/10 его часть¹. Такого фискального бремени не испытывает в стране ни одна другая отрасль, ни одна другая группа населения.**

В 2008 г. «перевыполненные» обязательства государства по поддержке сельской социальной и инженерной инфраструктуры составили 3,5% суммы «перекачки». Но что это за обязательства, если на сельского жителя приходится около 1 тыс. рублей, и что можно сделать для улучшения условий жизни, крестьянского быта за эти деньги? Причем в финансировании объектов социальной сферы федеральный бюджет участвовал на 18,6% (примерно 200 руб. на сельского жителя), тогда как при важнейшем общенациональном значении проблемы именно федеральный центр должен был бы взять на себя основную долю финансирования, на что ориентировал упомянутый закон «О государственном регулировании агропромышленного производства», имея в виду и общие бюджетные назначения на возрождение сельского хозяйства.

Доля аграрной составляющей в расходах всего бюджета страны за годы реформ опустилась до мизерных 1,1%, причем сельское население составляет 27% населения страны². К тому же непосредственному производителю достается лишь ¼ аграрного бюджета (остальное идет на содержание управленцев, обслуживающих структур, поддержку Россельхозбанка, Росагролизинга и т.д.). В связи с этим очевидна необходимость пересмотра аграрной политики нашей страны, особенно ее социального содержания.

¹ АПК: экономика, управление, 2010г. № 5, с. 25.

² В Беларуси аграрная составляющая в расходах бюджета – 12%. Правда, нужно учитывать, что это возможно благодаря российской помощи в размере до 4 млрд долларов в год.

Сокращение и без того символической, «остаточной» доли аграрного бюджета России в последние 2 года до примерно 3 тыс. рублей, или 100 долларов на сельского жителя (для сравнения: в развитых странах Запада этот показатель достигает 3-5 тыс. долларов и более, как, например, в Норвегии, где господдержка во многом за счет природной ренты составляет в расчете на сельского жителя 30 тыс. долларов) объясняют условиями кризиса, дефицитом бюджета. Но финансово-экономическим кризисом были охвачены и другие страны, в т.ч. США. Однако правительство страны не пошло на сокращение аграрного бюджета, а наоборот, увеличило его (за 2008–2010 гг. его сумма возросла с 92,9 до 134,2 млрд долларов). Эта сумма не включает 5 млрд долларов, выделенных Администрацией малого бизнеса США для развития сельского предпринимательства и 10 млрд долларов, израсходованных Министерством транспорта на строительство сельских дорог, т.е. всего господдержка сельского хозяйства страны составила 149,2 млрд долларов, (в 1,5 раза больше чем в 2008 г.) У нас при почти сопоставимой численности сельского населения бюджетные назначения для аграрного сектора снизились с 5 до 3,5 млрд долларов.

Вследствие монопольного окружения сельского хозяйства, несовершенной, а то и явно недобросовестной конкуренции на рынке, судя по доле отрасли в конечной цене на продовольствие, «перекачка» имеет место и в других странах. Но там государство, следуя принципу приоритетности сельского развития, компенсирует потери сельского хозяйства в объеме до 30-40 и более процентов валовой продукции отрасли (в Норвегии около 60%)¹. В России эту компенсацию в размере около 5% нельзя рассматривать всерьез, афишируя ее как выполнение социальных обязательств перед крестьянством. Отсюда проистекают негативные изменения как в социально-экономическом положении занятых в сельском хозяйстве, так и в технологии и уровне сельскохозяйственного производства.

Для оправдания изъянов этой политики в других ее решающих направлениях, особенно ценообразовании и ценовом регулировании, могут сказать, что «экономия» на бюджетных назначениях для сельского развития, потери СХО от диспаритета цен как бы «компенсируются» действующей системой кредитования сельхозпроизводителей. В 2008–2009 гг. помимо средств прямой бюджетной поддержки сельскому хозяйству были предоставлены значительные заемные средства с субсидированием процентной ставки на 80%, а по инвестиционным кредитам для животноводства – на 100%. При этом в национальных докладах о ходе выполнения госпрограммы развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг., в выступлениях ответственных работников аграрного ведомства, Россельхоз-

¹ Вопросы экономики. 2009 г., № 10, с. 127.

банка и т.д. ничего не говорится об эффективности и финансово-экономических последствиях действующей системы кредитования сельского хозяйства. Повторяется лишь, что оно льготное, а как оно влияет на материальное положение крестьянства, на экономику отрасли, в какой мере стимулирует ее развитие, как правило, умалчивается.

На самом деле прямую и основную выгоду от этой системы имеют банки, которым государство компенсирует затраты на субсидирование процентной ставки рефинансирования Центробанка РФ, и не случайно в условиях нынешнего мирового кризиса Россельхозбанк, другие российские банки оказались лидерами по бонусам, выплачиваемых своим сотрудникам (19% против 3-7% в ряде других стран). То же самое по товарному кредиту, о чем свидетельствует соотношение вознаграждений работников «Росагролизинга» с заработками крестьян (разница в 10-15 и более раз).

Что касается СХО, всех других сельских заемщиков, то и субсидированные кредиты с процентными начислениями надо возвращать, а это значит, что в итоге реальной господдержкой сельского хозяйства являются лишь показанные выше урезанные до социально недопустимого предела суммы аграрного бюджета (в среднем за последнее время около 4 млрд долларов в год при сумме «перекачки» около 40 млрд долларов). Средств для такого возврата у большинства СХО нет, и многие из них берут заемные средства, заранее не рассчитывая расплачиваться по кредитам, т.е. обрекая хозяйство на процедуру банкротства.

В настоящее время из сельского хозяйства в пользу государства и подотчетных ему субъектов монопольного окружения отрасли изымается вся земельная рента, почти весь чистый доход и половина общественно необходимого уровня оплаты труда. В то же время природная рента добывающих отраслей (а это продукт *общенационального достояния*) полностью присваивается государством, предпринимательскими структурами этих отраслей, т.е. достается кому угодно, только не сельскому хозяйству.

По всем названным причинам **сельское хозяйство оказалось в глубокой и безвылазной долговой яме, по сути являющейся признаком фактического банкротства всей отрасли.** Кредиторская задолженность сельских товаропроизводителей в 2009 г. достигла почти 1,3 трлн рублей, тогда как выручка от реализации всей сельскохозяйственной продукции составила 950 млрд руб., а вся прибыль как главный источник погашения кредитов (рассчитанная при включении в издержки производства вдвое заниженной оплаты труда работников сельского хозяйства) составляла 83,6 млрд рублей¹ (при сопоставимом уровне оплаты отрасль была бы фактически убыточна).

¹ Статистические материалы и результаты исследований развития агропромышленного производства России. Москва. РАСХН, 2011 г., с.18

Все это свидетельствует о том, что в общей экономической политике государства наблюдается угрожающее национальной безопасности страны смещение приоритетов, конкретных направлений приоритетного развития, отодвинувшее важнейшую базовую отрасль экономики и почти 40 млн человек населения страны на задний план. Возобладали экономически и социально необоснованные предпочтения организации спортивных олимпиад, чемпионатов, возведения разного рода «престижных» строек и сооружений, осуществления космических программ и т.д. с затратами многих десятков никак не лишних в нынешней сложной российской действительности миллиардов долларов. В связи с этим в условиях угрожающего обострения мировой продовольственной проблемы названные и другие приоритеты нуждаются в радикальной корректировке и строгому ранжированию по социальной значимости и народнохозяйственному эффекту каждого направления использования имеющихся бюджетных и всей совокупности ограниченных ресурсов страны с привлечением к обсуждению и определению этих направлений (и их правовым обеспечением) институтов гражданского общества с тем, чтобы не приходилось затем отменять или изменять уже реализуемые проекты, программы и т.д.

Необходимо неотложное принятие действенных и последовательных мер по действительному обеспечению приоритета сельского развития, по ресурсному, прежде всего по финансовому наполнению аграрного бюджета и его социального сегмента, используя для этого перераспределительные механизмы и имеющиеся реальные источники (та же природная рента, прогрессивный подоходный налог и т.д. с тем, чтобы добиться последовательного значительного сокращения масштабов (или компенсация суммы) «перекачки» по меньшей мере на 50%, т.е. до 500-600 млрд руб. и обеспечить увеличение бюджетных назначений до 600-700 млрд руб. в год, что на деле будет означать осуществление принципа социальной справедливости в отношении российского крестьянства.

Здесь все зависит от политической воли высшей государственной власти, которая оказалась способной фактически «в одночасье» на месте сгоревших летом 2010 г. полуубогих деревень возвести современные полностью благоустроенные поселения, где в новых домах сельские жители, особенно пенсионеры, привыкшие к «удобствам во дворе», осваивают газоводонагревающие агрегаты, другие составляющие цивилизованного бытового обустройства.

А ведь обитатели многих тысяч обветшалых, поистине допотопных, сельских жилых и подсобных строений (по современным меркам – ветхие временки) сейчас по сути находятся на положении почти что тех же погорельцев. По этой причине они лишены средств не только на перестройку жилья и тем более необходимой инфраструктуры, но даже на уплату

страховки. О возможности помочь им свидетельствует то, что В. Путин при посещении полностью и точно в установленные сроки возрожденной на пепелище нижегородской деревни 1 ноября 2010 г. справедливо заявил, что «деньги у нас есть» (и это подтверждается обильными текущими и предстоящими вливаниями в Олимпиаду-2014, Чемпионат мира по футболу 2018 г. и прочие эффектные, нередко надуманные планы и проекты, исчисляемыми триллионами рублей).

Вместо нынешней программы социального развития села на 2008–2012 гг. необходимо безотлагательно принять и также настойчиво реализовывать полноценную **Государственную программу радикального преобразования социальной сферы российского села с адекватным ее ресурсным обеспечением, по меньшей мере, пропорциональным доле сельского хозяйства в создаваемом национальном доходе страны**. Построенный на прочной финансово-экономической основе программно-целевой подход необходим и по другим направлениям агропродовольственной политики с его прочным законодательным обеспечением.

В целом для серьезного, государственного решения проблемы модернизации и социального преобразования сельского хозяйства предстоит упорядочение аграрного законодательства, приведения его в единую, согласованную и внятную систему. Необходимо, опираясь на опыт стран с высокоразвитым аграрным сектором, разработать единый полноценный федеральный закон «О сельском хозяйстве Российской Федерации» прямого действия. Такой закон должен определять и детализировать как основные направления аграрной политики с принятием соответствующих государственных целевых программ и проектов, так и формы, методы, размеры и механизмы активной протекционистской поддержки сельского хозяйства, лоббирования интересов села, меры ответственности и другие условия, обеспечивающие динамичное развитие непосредственно аграрного производства и действительно радикальные изменения в условиях труда и жизни сельских производителей. А поправки, уточнения, дополнения, прочие «улучшения» разобщенного, противоречивого, бессистемного аграрного законодательства могут лишь все более увести в сторону от насущных задач серьезных изменений в нынешнем бедственном социально-экономическом положении российской деревни, создающим угрозу продовольственной и общей национальной безопасности страны. Пока в существующей Доктрине продовольственной безопасности РФ такие меры государственной политики совершенно не просматриваются, а преобладают декларации и «общие места».